

Поле науки

1975

В ряде предыдущих работ была предпринята попытка описать закономерности функционирования полей символического производства (интеллектуального и художественного поля, религиозного поля, поля высокой моды и так далее). В данной статье предполагается рассмотреть, как эти законы проявляют себя в особом пространстве, а именно, в поле научного производства. Точнее, предстоит установить, при каком условии (то есть в каких социальных условиях) порождающие механизмы — наподобие тех, которые во всяком поле определяют, будет ли входящий в поле принят или исключён из него, а также конкуренцию между различными производителями — обеспечивают появление относительно независимых от социальных условий их производства социальных продуктов, каковыми являются научные истины. Иначе говоря, эта логика сама по себе есть порождение истории, и именно в истории следует искать основание парадоксального развития насквозь исторического мышления, которое, однако, полностью к истории не сводится.

Социология науки основывается на постулате, что истина продукта — даже если речь идёт о таком сугубо специфическом продукте как научная истина — заключена в особом роде социальных условий производства, а точнее, в определённом состоянии структуры и функционировании научного поля. «Чистый» универсум самой «чистой» науки является таким же социальным полем, как и любое другое, со свойственным ему соотношением сил и монополиями, борьбой и стратегиями, интересами и прибылями, однако в этом поле все эти инварианты облекаются в специфическую форму.

Борьба за монополию на научную компетентность

Научное поле как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (то есть игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и — одновременно — как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально закреплённая за определённым индивидом способность легитимно (то есть полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки.

Во избежание возможных недоразумений, сделаем два коротких замечания. С одной стороны, не следует сводить объективные отношения, конституируемые полем, к совокупности интеракций в соответствии с интеракционизмом, то есть к совокупности

стратегий, которые на самом деле определяются полем, как это будет показано ниже [1]. С другой стороны, необходимо уточнить, что означает «социальное признание»: в дальнейшем будет показано, что группа, которая обеспечивает это признание, постоянно стремится ограничиваться совокупностью учёных, то есть конкурентов, по мере того, как возрастают накопленные научные ресурсы и, соответственно, автономия поля.

Сказать, что поле есть место борьбы — значит не только разорвать с примиренческим образом «научного сообщества», как его описывает научная агиография и часто вслед за ней социология науки, то есть разорвать с идеей своего рода «царства целей», которое как будто бы не признает иных законов, кроме закона чистой и абсолютной конкурентной борьбы идей, безошибочно направляемой внутренней силой истинной идеи. Это значит также утверждать, что само функционирование научного поля производит и предполагает специфическую форму интереса (научная практика может выступать как «незаинтересованная» лишь относительно других интересов, производимых и требуемых другими полями).

Рассуждения о научном интересе и научном авторитете (или компетенции) позволяют отмежеваться от различий, которые в скрытом виде неотступно сопровождают все рассуждения о науке. Так, попытаться вычленив в научной компетенции (или авторитете) то, что является чисто социальным представлением, символической властью, обеспеченной целым «аппаратом» (в паскалевском смысле) эмблем и знаков, и то, что является сугубо техническими свойствами, означает попасть в ловушку, свойственную всякой компетентности, этому социальному мышлению, которое легитимирует себя, представляясь чисто техническим мышлением (что можно видеть на примере технократического использования понятия компетентности) [2]. Действительно, «августейший аппарат», которым окружено то, что в прошлом веке называлось «способностями», а сегодня — «компетентностью»: красные мантии, отделанные горностаем, сутаны и квадратные шапочки судей и докторов вчерашних дней, школьные дипломы и научные знаки отличия сегодняшних учёных, этот «столь достоверный часовой механизм», как говорил Паскаль, — вся эта социальная фикция, в которой нет ничего социально фиктивного, преобразует социальное восприятие чисто технической способности. Вот почему на суждения по поводу научных способностей студента или учёного на всех этапах его обучения всегда накладывается знание той позиции, которую он занимает в установленных иерархиях (иерархия Гранд Эколь во Франции или, например, иерархия университетов в США).

Поскольку все практики ориентированы на достижение научного авторитета (престиж, признание, известность и так далее), то есть на внутренне двойственные цели, то, то что обычно называют «интересом» к той или иной научной деятельности (дисциплине, методу и так далее) всегда имеет две стороны; то же самое можно сказать о стратегиях, направленных на удовлетворение этого интереса.

Анализ, который попытается выделить исключительно «политическое» измерение в конфликтах за доминирование в научном поле, будет принципиально неверен, как и противоположная — более частая — тенденция рассматривать научные конфликты в «чистых», сугубо интеллектуальных категориях. Например, борьба, которая противопоставляет сегодня специалистов, за получение кредитов и научного

инструментария, никогда не сводится к простой борьбе за чисто «политическую» власть: те, кто возглавляют крупнейшие научные бюрократии, могут заставить воспринимать свою победу как победу науки только в том случае, если они продемонстрируют свою способность навязать такое определение науки, согласно которому «правильно» заниматься наукой означает пользоваться услугами крупной научной бюрократии, располагать кредитами, мощным техническим оборудованием, многочисленной рабочей силой. Эти бюрократии превращают процедуры опросов общественного мнения, проводимых на основе очень многочисленных выборок, операций по статистическому анализу данных и формализации результатов в универсальную и незыблемую методологию, устанавливая, таким образом, эталон научной практики, наиболее благоприятный их личным и институциональным способностям. Точно так же эпистемологические конфликты всегда одновременно являются политическими конфликтами, поэтому исследование проблемы власти в научном поле могло бы вполне ограничиться лишь вопросами эпистемологического типа.

Из строгого определения научного поля как объективного пространства игры, где задействованы специфические ставки, следует, что было бы напрасно проводить разграничение между сугубо научными и сугубо социальными определениями практик, которые обычно переопределяются. Следует процитировать описание Фреда Рифа, который практически помимо своей воли показывает, насколько искусственно и даже невозможно различие внутреннего и внешнего интереса по отношению к тому, что представляется важным для отдельного исследователя и что представляется важным для других исследователей: «Исследователь стремится проводить исследования, которые он считает важными. Но внутреннее удовлетворение и интерес не являются единственными мотивами. Это становится очевидным, если посмотреть, что происходит, когда исследователь обнаруживает, что результаты, которые он ожидал получить сам, уже опубликованы другим исследователем. Как правило, он бывает потрясён, хотя внутренний интерес к его работе не должен был бы никак пострадать. Дело в том, что его работа должна быть не только интересна ему самому, но она также должна быть важна для других» [3]. Важным и интересным считается то, что имеет шансы быть признанным как важное и интересное другими, то есть представить того, кто это производит, важным и интересным в глазах других (следовало бы заново проанализировать эту диалектику и условия, в которых она действует, но не как простой кружок взаимного легитимирования, а с точки зрения выгоды, которую приносит эффект научного накопления).

Чтобы не впасть в идеалистическую философию, которая приписывает науке способность развиваться в соответствии с имманентной ей логикой (как это делает Кун, когда он утверждает, что «научные революции» происходят лишь тогда, когда исчерпаны все «парадигмы»), следует предположить, что инвестиции организуются в соответствии с предвосхищением — сознательным или неосознанным — средних шансов на извлечение прибыли (которые различаются в свою очередь в зависимости от наличного капитала). Так, стремление исследователей сосредоточиться на проблемах, которые представляются им самыми важными (потому, например, что именно в качестве таковых они были сформулированы производителями, наделёнными высокой степенью легитимности), объясняется тем, что вклад или открытие в этих вопросах могут в принципе принести более существенную символическую выгоду. Развернувшееся таким образом активное

соперничество с большой долей вероятности может привести к снижению среднего уровня материальной и/или символической выгоды и, тем самым, к переключению части исследователей на другие, менее престижные объекты, вокруг которых соперничество не столь велико и которые, следовательно, способны принести по крайней мере столь же существенную выгоду [4].

Различие, которое проводит Мертон (говоря о социальных науках) между «социальными» конфликтами (касательно «размещения интеллектуальных ресурсов между разными видами социологического труда» или «роли, предписываемой социологу») и «интеллектуальными» конфликтами, «строго сформулированными оппозициями между социологическими идеями» [5], само по себе конституирует социальную и одновременно интеллектуальную стратегию, которая стремится установить поле легитимных для обсуждения объектов. В этом различии следует видеть одну из тех стратегий, с помощью которых официальная американская социология стремится обеспечить себе академическую респектабельность и установить размежевание между научным и ненаучным, что позволяет накладывать запрет — как нарушение правил научного приличия — на всякий вопрос, который мог бы поставить под сомнение основание этой респектабельности [6].

Подлинная наука о науке может формироваться лишь при условии решительного отказа от абстрактной оппозиции (которую можно обнаружить повсюду, например, в истории искусств) между имманентным или внутренним анализом, чем, собственно, и занимается эпистемология и что отражает логику, в соответствии с которой наука порождает свои собственные проблемы, и внешним анализом, который соотносит её проблемы с социальными условиями их возникновения. Именно научное поле, будучи местом политической борьбы за научное доминирование, предписывает каждому исследователю, в зависимости от занимаемой им позиции, политические и, одновременно, научные проблемы и методы, эти научные стратегии, которые, по причине того, что они определяют себя — формально или объективно — относительно системы политических и научных позиций, конституирующих научное поле, являются в то же время политическими стратегиями. Нет такого научного «выбора», будь то выбор области исследований, применяемых методов, печатного органа для публикации, или выбор, описанный Хагстромом [7], между поспешной публикацией частично выверенных результатов и поздней публикацией полностью контролируемых результатов, который не был бы — хотя бы в одном из своих аспектов — в котором, конечно, труднее всего признаться и который труднее всего распознать — политической стратегией вложения, направленной — во всяком случае объективно — на извлечение максимальной чисто научной прибыли, то есть признания, полученного со стороны коллег-конкурентов.

Накопление научного капитала

Борьба за научный капитал, этот особый род социального капитала, который обеспечивает власть над конституирующими механизмами поля, и который может быть конвертирован в другие виды капитала, основными своими характеристиками обязана тому факту, что производители стремятся (тем больше, чем больше автономно поле) иметь в качестве возможных заказчиков лишь своих конкурентов. Это означает, что в поле с высокой

степенью автономии отдельный производитель может достичь признания ценности своей продукции («репутация», «престиж», «авторитет», «компетентность» и так далее) лишь через других производителей, которые, будучи одновременно конкурентами, менее всего расположены к тому, чтобы признать коллегу, не обсуждая и не экзаменуя его. Прежде всего *defacto*: только учёные, вовлечённые в одну и ту же игру, обладают средствами, позволяющими символически овладеть научным произведением и оценить его достоинства. Но также и *dejure*: тот, кто обращается к внешнему по отношению к полю авторитету, может себя лишь скомпрометировать [8] (научное поле, будучи чрезвычайно похожим в этом отношении на артистическое поле с высокой степенью автономии, своей спецификой обязано, в частности, тому факту, что конкуренты не могут ограничиваться дистанцированием от уже признанных предшественников, но вынуждены, чтобы не отстать и не оказаться «дисквалифицированными», интегрировать вклад предшественников в конструкцию — отличную и отличающую — которая оставляет этих предшественников позади).

Борьба, в которую каждый из агентов должен быть вовлечён для того, чтобы иметь возможность самому устанавливать цену своей продукции и свой собственный авторитет легитимного производителя, всегда имеет целью достижение власти, позволяющей навязать определение науки (иными словами, вычленение поля проблем, методов и теорий, которые могут быть определены как научные), наиболее отвечающее его специфическим интересам, то есть наилучшим образом подходящее для того, чтобы позволить ему занять полностью легитимную доминирующую позицию, обеспечивающую в иерархии научных ценностей самую высокую позицию тем научным способностям, которыми он обладает лично или институционально (например, в качестве держателя определённого вида культурного капитала, бывшего ученика особого учебного заведения, члена определённой научной институции и так далее) [9].

Так, дебаты о приоритетах в открытиях довольно часто противопоставляют того, кто открыл доселе неизвестный новый феномен часто в форме простой аномалии или исключения из существующих теорий, тому, кто превратил его в новый научный факт, включив в теоретическую конструкцию, несводимую к простым первичным данным. Эти политические споры о праве собственности в науке, которые одновременно являются научными дебатами о смысле того, что было открыто, а также эпистемологическими спорами о природе научного открытия, в действительности противопоставляют в лице отдельных своих представителей два принципа иерархизации научных практик. Один принцип отдаёт первенство наблюдению и эксперименту и, следовательно, соответствующим диспозициям и способностям, другой — отдаёт предпочтение теории и соответствующим научным «интересам», и этот спор продолжает постоянно находиться в центре эпистемологической мысли.

Таким образом, определение цели научной борьбы является составной частью целей научной борьбы, а доминирующими становятся те, кому удалось навязать такое определение науки, согласно которому наиболее полноценное занятие наукой состоит в том, чтобы иметь, быть и делать то, что они имеют, чем они являются, или что они делают. Мимоходом следует отметить, что *communis doctorio opinio*, как говорила схоластика, есть всего лишь официальная фикция, в которой нет ничего фиктивного, поскольку

символическая эффективность, которую сообщает ей её легитимность позволяет выполнять функцию подобную той, которую либеральная идеология сообщила понятию общественное мнение. Официальная наука вовсе не является тем, чем её чаще всего представляет социология науки, то есть системой норм и ценностей, которую «научное сообщество», этакая недифференцированная группа, навязывает и внушает всем своим членам, поскольку на революционную аномалию способны лишь неудачники научной социализации [10]. Такое «дюркгеймовское» видение научного поля представляет собой лишь преобразованное представление о научном универсуме, которое держатели научного порядка заинтересованы навязать, и в первую очередь — своим конкурентам.

Примеры такого «функционализма» можно найти повсеместно, даже у такого автора, как Кун, который в своей теории научной эволюции всё же отводит место конфликту: «Сообщество специалистов (в науке) всегда будет делать всё возможное для того, чтобы тщательно и скрупулёзно преумножать накопление данных, к которым оно может обращаться» [11]. Поскольку «функция», согласно «функционализму» американской школы, является не чем иным, как «интересом» доминирующих (в том или ином поле, или интересом доминирующего класса — в поле борьбы классов), то есть интересом, который доминирующие получают от укрепления системы, соответствующей их интересам (или функцией, которую выполняет система для этого особого класса агентов), достаточно обойти молчанием интересы (иными словами дифференциальные функции), представляя «научное сообщество» как субъект практик, чтобы впасть в «функционализм».

Именно потому, что определение целей борьбы является целью борьбы — даже в таких науках, где, как математика, внешний консенсус относительно целей очень высок — приходится без конца сталкиваться с антиномиями легитимности (Только так можно понять тот страстный интерес, который исследователи в области социальных наук испытывают к естественным наукам: целью их стремления навязать — с помощью эпистемологии или социологии науки — легитимное определение самой легитимной формы науки, то есть науки о природе, является определение принципов оценки их собственной практики). В научном поле, как и в поле взаимоотношений классов, не существует инстанции, легитимирующей инстанции легитимации; легитимность требований легитимности зависит от относительной силы групп, чьи интересы эти требования выражают: в той мере, в какой само определение критериев суждения и принципов иерархизации являются целью борьбы, никто не может быть хорошим судьёй, поскольку нет такого судьи, который не был бы судьёй в своём же деле.

Совершенно очевидна наивность метода «судей», к которому обычно прибегает социологическая традиция для того, чтобы определить иерархии, характерные для определённого поля (иерархия агентов или институций — университеты в США, иерархия проблем, сфер, методов, сама иерархия полей и тому подобное). Та же наивная философия объективизма заставляет обращаться к «международным экспертам». Как если бы положение иностранных наблюдателей освобождало их от необходимости принимать решения и защищало от предвзятых мнений в ситуации, когда в экономику идеологических обменов включено такое множество транснациональных обществ, и как если бы их «научный» анализ состояния науки мог бы быть чем-то иным, кроме как научно замаскированным оправданием особого состояния науки или научных институций, к

которым эти эксперты причастны. Далее будет показано, что социологии науки крайне редко удаётся избежать такой стратегии экспертизы как навязывание легитимности, подготавливающее завоевание рынка [12].

Следовательно, научный авторитет является особым типом капитала, который, при соблюдении некоторых условий, может накапливаться, передаваться и даже конвертироваться в другие типы капитала. Можно воспользоваться описанием, данным Фредом Рифом, процесса накопления научного капитала и форм, которые принимает его конверсия. Рассматривается особый случай поля современной физики, где владение научным капиталом способствует накоплению дополнительного капитала и потому «успешная» научная карьера представляется как постоянный процесс накопления, в котором начальный капитал, выраженный тем или иным дипломом, играет определяющую роль. «Начиная с «high school» будущий учёный осознать роль соперничества и престижа в своём будущем успехе. Он должен постараться получить самые высокие оценки, чтобы быть принятым в «college», а затем — в «graduate school». Он понимает, что получить образование в признанном «college» имеет для него решающее значение. Наконец, он должен завоевать уважение своих профессоров, чтобы получить рекомендательные письма, которые помогут ему при поступлении в «college», при получении стипендии, премий. Когда же он приступит к поискам работы, его положение будет намного более выгодным, если до этого он учился в известном учебном заведении и работал с известным учёным. В любом случае главное для него, чтобы самые именитые лица согласились дать ему благоприятные отзывы о его работе. Доступ к более высоким ступеням высшего образования зависит от тех же условий. Университет вновь потребует рекомендательных писем от учёных со стороны, он может также создать приёмную комиссию, прежде чем принять решение о назначении кого-либо на должность штатного преподавателя». Этот процесс продолжается и при вступлении в административные должности, в правительственные комиссии и так далее. Учёный должен иметь также хорошую репутацию среди коллег для того, чтобы получать исследовательские фонды, привлекать к работе хороших студентов, обеспечивать себя грантами и стипендиями, приглашениями и консультациями, знаками отличия (таковы, например, Нобелевская премия, National Academy of Science).

Социально обеспеченное и гарантированное признание (посредством целой системы специфических знаков отличия, которыми группа коллег-конкурентов наделяет каждого из своих членов), является производной от дистанцирующей ценности его продукции и от коллективно признанной оригинальности (согласно теории информации) того вклада, который он внёс в уже накопленные научные ресурсы. Тот факт, что капитал авторитета, приобретаемый благодаря сделанному открытию, становится монополией того, кто сделал это открытие первым, или, по крайней мере, первым сообщил о нём и обеспечил его признание, объясняет важность вопросов приоритета и ту частоту, с которой они понимаются. Если первое открытие подписывается несколькими именами, то престиж, сообщаемый каждому имени, соответственно уменьшается. Тот, кто совершил открытие несколькими неделями или месяцами позже другого, напрасно потратил свои усилия, поскольку его работа становится никому не интересным дублированием уже признанной работы (этим объясняется поспешность, с которой некоторые стараются поскорее опубликовать свои материалы, опасаясь что их опередят [13]). Концепция visibility, которой часто пользуются американские авторы (речь идёт, как это часто бывает, о расхожем

термине среди университетских профессоров), хорошо объясняет дифференцирующую, дистанцирующую ценность этого особого рода социального капитала: накопить капитал означает «сделать себе имя», имя собственное (а для некоторых, имя в прямом смысле слова), имя известное и признанное, знак, по которому сразу можно определить его носителя, выделяя его как некую форму, заметную на недифференцированном, тёмном (obscur) фоне, в котором растворено всё общее (отсюда безусловная важность для большинства школьных таксономий перцептивных метафор, где оппозиция между блестящим и невежественным (obscur), выступает в качестве парадигмы) [14].

Логика различения действует в полной мере в случае коллективного авторства, когда подписи в качестве таковых ограничивают различительную ценность каждого из подписывающих. Именно так можно понять совокупность наблюдений Хариета А. Цукермана [15] по поводу «моделей расположения имён авторов научных статей» как продукта стратегий, нацеленных на минимизацию потери дистанцирующей ценности, которая навязывается необходимостью нового разделения научного труда. Так, чтобы объяснить, что имена лауреатов Нобелевской премии ставятся на первое место не чаще, чем другие, как можно было бы ожидать, учитывая, что порядок перечисления авторов обычно определяется степенью важности их вклада в работу, нет необходимости ссылаться на аристократическую мораль «благородство обязывает». Достаточно предположить, что заметность имени в ряду других есть производная в первую очередь от относительной заметности имени, определённой местом, которое имя занимает в ряду других, а во вторую очередь — от внутренне присущей ему заметности, которая вытекает из факта, что будучи уже известным, имя легче узнается и запоминается (это один из механизмов, в соответствии с которым — и в данном случае также — капитал идёт к капиталу), чтобы понять что склонность уступать первое место другим именам возрастает по мере того, как возрастает наличный капитал, а, следовательно, символическая выгода, автоматически обеспечиваемая его владельцу, независимо от места, на котором стоит его имя [16]. Рынок научной продукции имеет свои законы, которые не имеют ничего общего с моралью. Для того, чтобы избежать соблазна и не ввести в науку о науке под разными «учёными» словами то, что агенты называют иногда «ценностями» или «традициями» «научного сообщества», следует уметь различать в качестве таковых стратегии, которые в универсуме, заинтересованном в не заинтересованности, стремятся скрывать стратегии.

Эти стратегии второго порядка, посредством которых можно встроиться в порядок, преобразуя подчинённость законам (которая является условием удовлетворения интересов) в избирательное следование нормам, позволяют совмещать удовлетворение хорошо понятого интереса и выгоду, почти всегда сопутствующие акциям без иного видимого обоснования, кроме простого и свободного от интересов уважения порядка.

Научный капитал и склонности к инвестированию

Структура научного поля определяется в каждый данный момент состоянием соотношения сил между участниками борьбы, агентами или институциями, то есть структурой распределения специфического капитала как результата предшествующей борьбы, который объективирован в институциях и диспозициях и который регулирует стратегии и объективные шансы различных агентов или институций в борьбе нынешней (Здесь — как, впрочем, и везде — достаточно уловить диалектическую связь, которая через диспозиции устанавливается между структурами и стратегиями для того, чтобы преодолеть антиномию между синхронией и диахронией, структурой и историей). Структура распределения научного капитала лежит в основе трансформаций научного поля посредством стратегий сохранения или подрыва структуры, производимых самой структурой. С одной стороны, позиция, которую отдельный агент занимает в каждый данный момент в структуре научного поля, является результирующей — объективированной в институциях и инкорпорированной в диспозициях — совокупности предшествующих стратегий этого агента и его конкурентов, стратегий, которые в свою очередь находятся в зависимости от структуры поля благодаря структурным свойствам порождающей их позиции. С другой стороны, трансформации структуры поля являются продуктом стратегий сохранения или подрыва, направленность и эффективность которых заложены в свойствах позиции, занимаемой теми, кто производит эти стратегии внутри структуры поля.

Это означает, что при определённом состоянии поля инвестиции учёных зависят, как по их значимости (определяемой, например, временем, посвящённым исследованию), так и по их природе (и в частности, по степени взятого на себя риска), от размеров наличного и потенциального капитала признания и от позиции — достигнутой и потенциальной — в поле (в соответствии с диалектическим процессом, наблюдаемым во всех областях практики). В соответствии с многократно зафиксированной логикой, аспирации, то есть то, что обычно называют «научными амбициями», тем более высоки, чем более высок капитал признания: обладание капиталом, который с самого начала научной карьеры обеспечивается системой образования в форме престижного диплома, предусматривает и предписывает — через сложную систему посредничества — высокие цели, которые этот диплом предписывает и гарантирует в социальном отношении. Так, пытаться измерить статистическую зависимость между престижем учёного и престижем его первоначальных дипломов (Гранд Эколь или университет во Франции; университет, где была присуждена докторская степень — в США), при единожды проверенных показателях его производительности [17], значит так или иначе согласиться с гипотезой, что производительность и престиж в настоящее время независимы (друг от друга) и не зависят от школьных дипломов. В действительности в той мере, в какой диплом в качестве школьного капитала, конвертируемого в университетский и научный капитал, заключает в себе вероятную траекторию, он управляет через посредство поощряемых им «разумных аспираций» отношением к научной карьере (выбор более или менее «амбициозных» проектов, более или менее высокая производительность, продуктивность, и так далее). В результате влияние престижа институций осуществляется не только напрямую, «накладываясь» на мнение о научных способностях, определённых по качеству и количеству работ, и не только косвенно — через посредство контактов с самыми именитыми мэтрами, что обеспечивается высоким школьным происхождением, чаще всего связанным с высоким социальным происхождением. Это влияние сказывается также через посредство «необходимости вероятного», то есть через свойство аспираций, которые допускаются или поощряются объективными шансами (аналогичные замечания можно

сделать по поводу влияния социального происхождения на первоначальный школьный диплом).

Так, например, в оппозиции между высокими и низкими траекториями в образовательном поле и в научном поле воспроизводится оппозиция между надёжными вложениями в узко специализированное исследование и рискованными вложениями в широкомасштабное исследование, которое может привести к широким теоретическим обобщениям (революционным или эклектичным). Такие вложения, которые, как в случае физики, проанализированном Фредом Рифом, состоят в том, чтобы получать информацию о научных событиях, происходящих вне строгих рамок специальности, вместо того, чтобы следовать по проторённым дорожкам в надёжно выверенном исследовательском направлении, могут оказаться полностью потерянными, но могут также принести и плодотворные сопоставления [18].

Точно так же, чтобы понять часто описываемую трансформацию научных практик, которой сопровождается продвижение в научной карьере, следует соотнести различные стратегии (например, массированные и экстенсивные инвестиции в одно исследование или умеренные и интенсивные инвестиции в исследование в сочетании с инвестициями в научное администрирование) не столько с возрастными классами — поскольку каждое поле определяет свои собственные законы социального старения [19], сколько с величиной наличного научного капитала, который, определяя в каждый момент объективные шансы на прибыль, определяет и «разумные» стратегии инвестирования, и отказ от инвестирования. Нет ничего более искусственного, чем описывать общие черты различных фаз «научной карьеры» [20], даже если речь идёт о «средней карьере» в специфическом поле [21], ибо в действительности любая карьера определяется главным образом той позицией, которую она занимает в структуре системы возможных карьер [22]. Существует столько способов включиться в исследовательскую деятельность, удержаться в ней или уйти из неё, сколько существует классов траекторий, и любое описание, которое — в случае того или иного универсума — будет состоять из характерных черт «некой» карьеры, упускает главное, то есть различия. Снижение с возрастом количества и качества научной продукции, которое наблюдается в случае «средних карьер», вероятно, можно легко понять, если допустить, что по мере того, как капитал признания увеличивается, он ведёт к снижению высоких темпов производительности, которые были необходимы для его приобретения. Однако полностью понять такое снижение можно только при соотнесении средних карьер с самыми высокими карьерами, поскольку только они и обеспечивают сполна символическими выгодами, необходимыми для постоянного возобновления склонности к новым инвестированиям, постоянно замедляя, таким образом, прекращение инвестирования.

Установленный порядок (научный)

Форма, которую приобретает политическая и одновременно научная борьба за научную легитимность, зависит от структуры поля, то есть от структуры распределения специфического капитала научного признания между участниками борьбы. Теоретически эта структура может меняться (как это и бывает в каждом поле) в пределах двух теоретических границ, впрочем, никогда не достигаемых: с одной стороны, ситуация

монополии на специфический капитал научного авторитета, с другой — идеальная ситуация конкурентной борьбы, предполагающая равное распределение этого капитала между всеми конкурентами. Научное поле — это всегда место более или менее неравной борьбы между агентами, которые неравным образом наделены специфическим капиталом, и которые, следовательно, неравны с точки зрения способности осваивать продукцию научного труда (а также, в некоторых случаях, внешние прибыли, такие как экономическое или чисто политическое вознаграждение), которую производит в результате объективного сотрудничества совокупность конкурентов, применяющая совокупность имеющихся в наличии средств научного производства. Во всяком поле с более или менее неравной силой, в зависимости от структуры распределения в нём капитала (степень однородности), противопоставляются доминирующие, занимающие самые высокие позиции в структуре распределения научного капитала, и доминируемые, то есть новички, обладающие научным капиталом тем более значительным (в абсолютном значении), чем более значительны научные ресурсы, накопленные в поле.

Всё указывает на то, что по мере роста накопленных научных ресурсов и вследствие соответственно возрастающей платы за вход, возрастает степень однородности между конкурентами (которые, под воздействием независимых факторов, становятся всё многочисленнее), научное соперничество по своей форме и интенсивности всё более дистанцируется от соперничества, которое можно наблюдать на более ранних стадиях в тех же или других полях, где накопленные ресурсы менее значительны, а степень разнородности более высока (см. далее). Социологи науки, которые забывают (что они, впрочем, делают почти всегда) учитывать эти структурные и морфологические свойства различных полей, занимаются универсализацией частного случая. А ведь именно благодаря этим свойствам оппозиция между стратегиями сохранения и подрыва, которая будет проанализирована ниже, ослабевает по мере того, как однородность поля возрастает и соответственно уменьшается вероятность великих периодических революций в пользу бесчисленных мелких перманентных революций.

Доминирующие и, как говорят экономисты, претенденты, то есть входящие в поле, в противопоставляющей их борьбе прибегают к стратегиям, глубоко противоположным как по их логике, так и по их основаниям, движущие ими интересы (в двойном смысле) и средства, которые они могут использовать для того, чтобы удовлетворять эти интересы, очень тесно зависят от их позиции в поле, то есть от их научного капитала и от той власти, которую даёт им этот капитал над полем научного производства и обращения, а также над производимыми им прибылями. Доминирующие обречены на стратегии сохранения установленного научного порядка, частью которого они являются. Этот порядок не сводится только, как обычно полагают, к официальной науке, совокупности научных ресурсов, унаследованных от прошлого, которые существуют в объективированном виде в форме инструментария, книг, институций и так далее, и в инкорпорированном виде, в форме научных габитусов, систем, порождающих схемы восприятия, оценки и действия, которые являются продуктом специфической формы педагогического действия и которые делают возможными выбор объектов, решение проблем и оценку решений.

Этот установленный порядок включает в себя также совокупность институций, обязанных обеспечить производство и обращение научных благ и в то же время воспроизводство и

обращение производителей (или воспроизводителей) и потребителей этих благ, то есть в первую очередь систему образования, которая единственно и может обеспечить незыблемость и признание официальной науки, систематически внушая её (научные габитусы) всей совокупности легитимных получателей педагогического воздействия и, в частности, всем входящим непосредственно в пространство производства. Помимо инстанций, специально предназначенных для обеспечения признания (академии, премии и так далее), установленный порядок включает в себя также инструменты распространения, и в частности, научные журналы, которые, путём селекции, осуществляемой в соответствии с доминирующими критериями, обеспечивают признание продукции, отвечающей принципам официальной науки, постоянно давая пример того, что достойно быть названным наукой, и осуществляют фактическую цензуру еретической продукции либо путём её открытого исключения, либо определяя то, что может быть опубликовано, отбивая охоту быть опубликованным [23].

Именно поле предписывает каждому агенту его стратегии, включая и такую стратегию, которая заключается в ниспровержении установленного научного порядка. В зависимости от позиции, которую «входящие в поле» занимают в его структуре (и, безусловно, также в соответствии с такими второстепенными переменными, как социальная траектория, которая определяет величину шансов), они могут быть ориентированы либо на надёжные стратегии преемственности, способные обеспечить им доходы в будущей обозримой карьере, ожидающие тех, кто соответствует официальному научному идеалу благодаря инновациям, не выходящим за рамки установленных границ, либо — на стратегии подрыва, эти бесконечно более дорогостоящие и рискованные вложения, которые могут принести доходы, причитающиеся монопольным держателям легитимности, лишь ценой полного переопределения принципов научной легитимности доминирования: «входящие в поле», которые отказываются от намеченных карьер, могут «победить доминирующих в их собственной игре» лишь при условии дополнительного привлечения собственно научных инвестиций, не рассчитывая при этом на значительную прибыль, во всяком случае, скорую, поскольку против них направлена вся логика системы.

С одной стороны, открытие по законам уже изобретённого искусства изобретать, решая только те проблемы, которые только могут быть поставлены в рамках проблематики, установившейся с помощью проверенных методов (или трудясь над спасением принципов от еретического опровержения — можно, например, вспомнить Тихо Браге), заставляет забыть о том, что она решает только те проблемы, которые может поставить, или ставит только такие проблемы, которые может решить; с другой стороны — еретическая изобретательность, которая ставит под сомнение сами принципы прежнего научного порядка, устанавливает жёсткую альтернативу, исключающую возможность компромисса между двумя взаимоисключающими системами. Основатели еретического научного порядка разрывают контракт о передаче полномочий, с которым соглашаются — пусть в скрытой форме — Кандидаты в наследники. Не признавая иного принципа легитимации, кроме того, который предполагается установить, они отказываются от включения в цикл обмена признанием, обеспечивающий упорядоченную трансмиссию научного авторитета между держателями и претендентами (то есть зачастую между представителями различных поколений, что заставляет многих обозревателей рассматривать конфликты легитимности как конфликты поколений). Отвергая все суждения и гарантии, которые предоставляет

прежний порядок, а также участие (возрастающее) — в соответствии с установленными процедурами — в коллективно гарантированном капитале, они осуществляют первоначальное накопление силовым путём с помощью разрыва, обращая в свою пользу доверие, которым пользовались прежние доминирующие, и не оставляя им взамен даже малой доли признания, в отличие от тех, кто соглашается включиться в непрерывный ход наследования [24].

Всё свидетельствует о том, что склонность к стратегиям сохранения или подрыва тем более зависима от диспозиций по отношению к установленному порядку, чем более зависим сам научный порядок от социального порядка, в который он вписан. Вот почему есть все основания предполагать, что связь, которую установил Льюис Феер между подрывными с точки зрения науки и политики пристрастиями молодого Эйнштейна и его научно революционными идеями, в каком-то смысле более значима для таких наук как биология или социология, весьма далёких от той степени автономии, которую достигала физика во времена Эйнштейна. Оппозиция, которую устанавливает этот автор между революционными диспозициями Эйнштейна, члена — в бытность его молодым — студенческой еврейской группы, взбунтовавшейся против установленного научного порядка и против установленного порядка вообще, и реформаторскими диспозициями, которые продемонстрировал Пуанкаре, типичный представитель «республики профессоров», человек порядка и «плановой» реформы как в политическом, так и в научном порядке, вызывает некоторую аналогию с оппозицией между Марксом и Дюркгеймом.

«В своих оригинальных рассуждениях Эйнштейн был поддержан странным маленьким кружком молодых интеллектуалов, которых переполняло социальное и научное бунтарство, свойственное их поколению, и которые составляли научное контр-сообщество вне официальной институции, группу космополитической богемы, стремящейся в те революционные времена взглянуть на мир по-новому» [25]. Преодолевая наивную оппозицию между индивидуальными габитусами и социальными условиями их воплощения, Льюис Феер выдвигает гипотезу, которую подтверждают все последние работы о системе научного образования [26] и в соответствии с которой лёгкий и быстрый доступ к административным должностям, открывающийся во Франции перед выпускниками научных Гранд Эколь, ослабляет протест против установленного (научного) порядка, и наоборот, этот протест находит благодатную почву в группах маргинальных интеллектуалов, занимающих шаткие позиции между системой образования и революционной богемой: «Можно смело предположить, что именно потому, что Франция была «республикой профессоров», что самые блестящие выпускники Политехнической школы быстро занимали высокие должности в военных сферах и в гражданском строительстве, никакой вероятности радикального разрыва с установленными правилами быть не могло. Научная революция находит свою самую благодатную почву в контр-сообществе. Когда молодой учёный очень быстро получает доступ к руководящим функциям, его энергия менее всего расположена к сублимации в научный радикализм. Что касается революционного творчества, то открытость французской администрации для научных талантов, возможно, является более важным фактором, объясняющим научный консерватизм, чем все другие факторы, обычно считающиеся ведущими».

От инаугурационной революции к перманентной революции

Какие социальные условия должны быть выполнены для того, чтобы установилась такая социальная игра, в которой истинная идея обладает силой, поскольку те, кто участвуют в игре, имеют свой интерес в истине, а не — как в других играх — истину своих интересов? Безусловно, речь не идёт о том, чтобы сделать из этого исключительного социального универсума исключение из основополагающих законов всякого поля, и в частности — из закона интереса, который может превратить в беспощадную войну самую «незаинтересованную» научную борьбу (поскольку «не заинтересованность» всегда есть не что иное, как система специфических интересов — артистических, религиозных, точно так же, как и научных — которая предполагает и равнодушие — относительное — к обычным объектам интереса, к деньгам, почёту и тому подобному). Тот факт, что научное поле всегда содержит некоторую долю социального произвола в той мере, в которой он служит интересам тех, кто внутри и/или вне поля в состоянии извлечь из него выгоду, не исключает того, что при некоторых условиях логика самого поля, и в частности, борьба между доминирующими и входящими в поле и проистекающая отсюда перекрёстная цензура, не вызывают постоянного переопределения целей, непрерывно меняющего баланс частных научных интересов (всегда понимаемых в двойном смысле), в интересах прогресса науки [27].

Частичные теории науки и её трансформаций предназначены выполнять идеологические функции в борьбе внутри научного поля (или внутри полей, претендующих на научность, как, например, поле социальных наук), поскольку они сообщают всеобщность свойствам, связанным с особыми состояниями научного поля. Так, позитивистская теория приписывает науке власть решать все вопросы, которые она поднимает, при условии, что они ставятся по-научному, и устанавливать, применяя объективные критерии, консенсус в отношении её решений, вписывая, таким образом, прогресс в привычный ход «нормальной науки» и делая так, что переход от одной системы к другой — например, от Ньютона к Эйнштейну — совершается как бы путём простого накопления знаний, уточнения измерений и исправления правил. То же самое можно сказать о теории Куна, которая, будучи пригодной для инаугурационных революций зарождающейся науки (парадигмой которых служит коперниковская революция — в подлинном значении этого слова), просто противоположна позитивистской модели [28]. В действительности поле астрономии, в котором происходит коперниковская революция, противопоставляется полю современной физики наподобие того, как рынок «погружённый в социальные отношения» (embedded in social relationships) архаических обществ противопоставляется, согласно Полани, «саморегулирующемуся рынку» (self regulating market) капиталистических обществ. Не случайно коперниковская революция содержит ярко выраженное требование категорической автономии для научного поля, ещё «погружённого» в религиозное поле и в поле философии, и — через них — в политическое поле, требование, которое содержит в себе утверждение права учёных решать научные вопросы («математика для математиков») в силу специфической легитимности, которую сообщает им их компетентность.

Поскольку научный метод и цензура, и/или содействие, которое она предлагает или навязывает, не объективированы ни в механизмах, ни в диспозициях, научные разрывы вынужденно принимают вид революций против институции, а революции против научного порядка являются одновременно революциями против установленного порядка. Наоборот, поскольку благодаря этим первоначальным революциям оказывается невозможным всякое обращение за помощью к оружию или к власти — даже чисто символическим, которые были бы отличны от имеющих хождение в поле, само функционирование поля всё более полно определяет не только ординарный порядок «нормальной науки», но также экстраординарные разрывы, эти «плановые революции», как говорил Башляр, которые вписаны в логику истории науки, то есть научной полемики [29].

Когда метод вписан в механизмы поля, революция против институциональной науки осуществляется при содействии институции, которая предоставляет институциональные условия разрыва; поле становится местом перманентной революции, которая, однако, всё более лишается политического эффекта. Именно потому этот универсум перманентной революции может быть — совершенно непротиворечивым образом — универсумом «легитимного догматизма» [30]: научное оснащение, необходимое для осуществления научной революции, может быть получено лишь внутри и с помощью научного сообщества. По мере того, как увеличиваются накопленные научные ресурсы, инкорпорированный научный капитал, необходимый для того, чтобы ими овладеть и таким образом получить доступ к научным проблемам и инструментарию, а, следовательно, к научной борьбе, всё более и более возрастает (плата за вход в поле) [31]. Из этого следует, что научная революция является делом не самых обездоленных, а наоборот, самых богатых в научном смысле среди входящих в поле [32]. Антиномия разрыва и непрерывности ослабляется в поле, которое, не делая различия между революционными фазами и «нормальной наукой» обретает в непрерывном разрыве настоящий принцип свой непрерывности. Соответственно всё более теряет смысл оппозиция между стратегиями наследования и стратегиями разрыва, поскольку накопление капитала, необходимого для того, чтобы делать революции, и капитала, который эти революции обеспечивает, все в большей мере происходит в соответствии с установленными процедурами карьеры [33].

Превращение анархического антагонизма частных интересов в научную диалектику становится всё более глобальным по мере того, как интерес каждого производителя символических благ в производстве продуктов, «которые были бы интересны не только ему самому, как говорит Фред Риф, но были бы важны и для других», то есть продуктов, которые могли бы заставить других признать важность этих продуктов, а также значимость их автора, сталкивается с конкурентами, более искусными в использовании тех же средств для достижения тех же намерений, что всё чаще приводит — при единовременных открытиях — к получению прибылей одним или обоими производителями [34]. Иными словами, этот процесс приобретает всё более глобальный характер по мере того, как частный интерес каждого отдельного агента, состоящий в том, чтобы победить и подчинить своих конкурентов и добиться от них признания, оснащается целой системой инструментов, которые обеспечивают полную эффективность его полемической интенции, сообщая ей универсальное значение методологической цензуры. Фактически, по мере того, как возрастают накопленные ресурсы, а также капитал, необходимый для их присвоения, рынок, где может быть размещён научный продукт, всё более ограничивается одними лишь

конкурентам, которые все лучше вооружены для рациональной критики этого продукта и дискредитации его автора: антагонизм, который заложен в основании структуры и изменения всякого поля, приобретает всё более радикальный и всеобъемлющий характер, поскольку вынужденное соглашение, где производится мыслимое, оставляет всё меньше места для немыслимого доксы.

Коллективный порядок науки вырабатывается в и с помощью анархии конкурентной борьбы заинтересованных действий, где над каждым агентом — а вместе с ним и над всей группой — довлеет внешне несогласованное перекрещивание индивидуальных стратегий. Стоит ли говорить, что оппозиция между «функциональными» и «дисфункциональными» аспектами функционирования научного поля, обладающего высокой степенью автономии, лишается смысла: самые «дисфункциональные» тенденции (например, склонность к секретности и к отрицанию сотрудничества) заложены в тех самых механизмах, которые порождают самые «функциональные» диспозиции. По мере того, как научный метод вписывается в социальные механизмы, регулирующие функционирование поля, и тем самым, обретает высшую объективность имманентного социального закона, он может реально объективироваться как в инструментах, способных контролировать тех, кто ими пользуется, а иногда и доминировать над ними, так и в прочно формируемых прочных диспозициях, которые производит учебное заведение. Эти диспозиции непрерывно укрепляются социальными механизмами, которые, находя в свою очередь поддержку в рациональном материализме объективированной и инкорпорированной науки, осуществляют как контроль и цензуру, так и открытие и разрыв [35].

Наука и доксософы

Наука не имеет иного основания, кроме коллективного верования в её основы, которое производит и предполагает само функционирование научного поля. Объективное оркестрирование практических схем, внушаемых формальным образованием и всей социальной средой, которое является основанием практического консенсуса в отношении целей, предлагаемых полем, то есть в отношении проблем, методов и решений, немедленно распознаваемых как научные, находит своё собственное обоснование в совокупности институциональных механизмов, которые обеспечивают социальную и школьную селекцию учёных (в зависимости, например, от установившейся иерархии дисциплин), подготовку отобранных агентов, контроль над доступом к исследовательскому и издательскому инструментарию и так далее [36]. Дискуссионное поле, создаваемое борьбой ортодоксии и гетеродоксии, вычленяется на фоне поля доксы, совокупности допущений, которые антагонисты воспринимают как само собой разумеющиеся, не зависящие от какой-либо дискуссии, поскольку они составляют скрытое условие дискуссии [37]: цензура, которую производит ортодоксия — и которую отвергает Гетеродоксия — скрывает более радикальную, а также более невидимую цензуру, поскольку она является составной частью самого функционирования поля и распространяется на совокупность того, что становится допустимым благодаря самому факту принадлежности к полю, что выводится за пределы дискуссии благодаря тому, что принимаются цели дискуссии, то есть согласие в отношении предметов несогласия, общие интересы, которые лежат в основании конфликта интересов, всё необсуждаемое и немыслимое, по умолчанию удерживаемое за границами борьбы [38].

В зависимости от степени автономии поля по отношению к внешним детерминантам доля социального произвола, заключённого в системе допущений, конституирующих верование, свойственное тому или иному полю, возрастает. Это означает, что в абстрактном пространстве теории всякое научное поле — как поле социальных наук или математики сегодня, так и поле алхимии или математической астрономии во времена Коперника — может быть размещено в промежутке между двумя границами, представленными, с одной стороны, религиозным полем (или полем литературного производства), в котором официальная истина есть ни что иное, как легитимное навязывание культурного произвола (то есть произвольное и нераспознаваемое как таковое), выражающего специфический интерес доминирующих — внутри поля и вне его — и, с другой стороны, научным полем, откуда исключается всякий элемент социального произвола (или немислимого), и где социальные механизмы с необходимостью навязывают универсальные нормы мышления.

Таким образом, возникает вопрос о степени социального произвола верования, производимого функционированием поля и являющегося условием его функционирования, или — что одно и то же — вопрос о степени автономии поля (относительно, прежде всего, социального заказа доминирующего класса) и социальных условий — внутренних и внешних — этой автономии. В основании всех различий между научными полями, способными производить и удовлетворять чисто научный интерес и таким образом поддерживать непрерывный диалектический процесс, и полями производства научного дискурса, в которых коллективная работа имеет единственной целью и функцией сохранение поля идентичного ему самому, производя как вовне, так и внутри, верование в независимую ценность задач и объектов, которые оно производит, лежит отношение зависимости под видимостью независимости от внешних заказов. Доксософы, мнимые учёные и учёные видимостей могут легитимировать и отлучение, которое они осуществляют путём произвольного формирования эзотерического знания, недоступного профанам, и полномочия, которых они требуют, монополизировав некоторые практики или рассуждения по их поводу, лишь путём навязывания верования в то, что их ложная наука совершенно независима от социальных заказов, которые они так хорошо выполняют только потому, что во всеуслышание заявляют о своём отказе их обслуживать.

От Хайдеггера, рассуждающего о «массах» и «элитах» на глубоко эвфемизированном языке «аутентичного» и «неаутентичного», до американских политологов, воспроизводящих официальное видение социального мира в полу-абстракциях дескриптивно нормативного дискурса — всегда учёный жаргон (в противоположность научному языку) определяется одной и той же стратегией ложного разрыва. Если научный язык ставит кавычки для обозначения того, как отмечает Башляр, что слова обыденного языка или прежнего научного языка, который он сохраняет, полностью переопределяются и приобретают свой смысл только в новой теоретической системе [39], учёный язык употребляет кавычки или неологизмы лишь для того, чтобы символически продемонстрировать фиктивную дистанцию и разрыв относительно общепринятого смысла: на самом деле, не обладая никакой реальной автономией, он может выполнять свою идеологическую задачу только лишь в том случае, если будет оставаться достаточно прозрачным для того, чтобы продолжать ссылаться на опыт и обыденное выражение, которое он отрицает.

Стратегии ложного разрыва выражают объективную истину полей, обладающих лишь ложной автономией: если доминирующий класс сообщает наукам о природе автономию, соразмерную тому интересу, который этот класс находит в использовании научных методов в экономике, то от социальных наук ему ждать нечего, разве что — в лучшем случае — чрезвычайно дорогостоящего вклада в легитимацию установленного порядка и в укрепление арсенала символических инструментов доминирования. Запоздалое и всегда находящееся под угрозой развитие социальных наук как раз свидетельствует о том, что прогресс в направлении реальной автономии, которая обуславливает и одновременно предполагает установление механизмов, формирующих само регулируемое и автократическое научное поле, обязательно наталкивается на препятствия, нигде более не известные. Иначе и быть не может, поскольку цель внутренней борьбы за научный авторитет в поле социальных наук, то есть за право производить, навязывать и внушать легитимное видение социального мира, является одной из целей борьбы между классами в политическом поле [40].

Из этого следует, что позиции во внутренней борьбе никогда не могут достичь той степени независимости по отношению к позициям во внешней борьбе, которая наблюдается в поле наук о природе. Идея нейтральности науки есть фикция, которая подразумевает интерес, позволяющий дать учёному нейтральную и эвфемизированную, а потому особенно символически действенную — поскольку совершенно неузнаваемую — форму доминирующего представления о социальном мире [41]. Социальная наука, выявляя социальные механизмы, которые обеспечивают поддержание установленного порядка и сугубо символическая эффективность которых заключена в незнании их логики и воздействия — этого принципа ненавязчиво выманиваемого признания — неизбежно становится частью политической борьбы. Это значит, что когда социальной науке удаётся утвердиться (что подразумевает выполнение некоторых условий, соответствующих определённому соотношению сил в межклассовой борьбе), борьба между наукой и ложной наукой доксософов (которые могут выставлять себя сторонниками самых революционных теоретических традиций) непременно вносит свой вклад в борьбу между классами, которые — по крайней мере в данном случае — также не заинтересованы в научной истине.

В социальных науках фундаментальный вопрос социологии науки принимает особенно парадоксальную форму: каковы могут быть социальные условия, освобождающие развитие науки от давления и социального заказа, если известно, что в этом случае прогресс в направлении научной рациональности не является прогрессом в направлении политической нейтральности. Этот вопрос можно проигнорировать, что и делают, например, те, кто приписывают все особенности социальных наук их положению последних из появившихся в духе наивной эволюционистской философии, которая описывает официальную науку в терминах эволюции. Конечно, теория опоздания верна, но парадоксальным образом лишь в случае официальной социологии, а точнее, официальной социологии. Для того чтобы понять самые характерные черты этих особых форм учёного дискурса, каковыми являются ложные науки, достаточно вспомнить знаменитый анализ «экономического отставания» Александра Гершенкрона. Гершенкрон отмечает, что когда процесс индустриализации начинается с опозданием, он обнаруживает систематические отличия от того, что происходило в более развитых странах не только по темпам развития, но также в том, что касается «производственных и организационных структур», поскольку этот процесс использует

оригинальные «институциональные инструменты» и развивается в ином идеологическом климате [42]. Существование более продвинутых наук — крупных поставщиков не только методов и техник, используемых чаще всего без учёта технических и социальных условий валидности, но также и примеров для подражания — позволяет официальной социологии обрести все внешние признаки научности: парад автономии может принимать здесь беспрецедентную форму, по сравнению с которой искусно поддерживаемый эзотеризм учёных традиций былых времён представляется лишь бледным предвестником. Официальная социология стремится реализовать себя не как наука, а как официальный образ науки, которым официальная социология науки, эта своего рода правовая инстанция, за которую выдаёт себя сообщество (чрезвычайно подходящее в данном случае слово) официальных социологов, снабжает это сообщество путём позитивистской реинтерпретации научной практики наук о природе.

Для того чтобы полностью убедиться в функции оправдательной идеологии, которую выполняет социальная история социальных наук в том виде, в котором она используется американским истеблишментом [43], достаточно пересмотреть все работы, прямо или косвенно посвящённые соревновательности, этому ключевому слову всей американской социологии науки, которое, являясь смутным, туземным понятием, возведённым в научное достоинство, концентрирует в себе всё немыслимое (доксу) этой социологии. Тезис, согласно которому производительность и соревновательность непосредственно связаны между собой [44], вдохновляется функционалистской теорией соревновательности, являющейся социологическим вариантом верования в достоинства «свободного рынка», поскольку английское слово *competition* означает также то, что мы называем конкуренцией. Сводя всякую конкуренцию к конкуренции между университетами или превращая конкуренцию между университетами в условие конкуренции между исследователями, никогда не задаются вопросом о препятствиях одновременно экономического и научного происхождения, возникающих в ходе научной конкуренции в рамках *academic market place*.

Соревновательность, которую признает наука истеблишмента — это соревновательность в рамках социального приличия, которое служит тем большим препятствием для настоящей научной соревновательности, способной усомниться в ортодоксии, что речь идёт об универсуме, более отягощённым социальным произволом. Понятно, что увлечение единодушием «парадигмы» может совпадать с увлечением соревновательностью, и что можно вслед за авторами упрекнуть европейскую социологию в том, что она грешит избытком или недостатком соревновательности.

Кроме оборудования и методов — например, компьютеров и программ автоматической обработки данных, официальная социология заимствует такую модель научной практики, какой её представляет себе позитивистское воображение, то есть со всеми символическими атрибутами научной респектабельности, масками и париками, такими как технологические приспособления и риторический китч, и такую модель организации того, что она называет «научным сообществом», какую ей поставляет её убогая социология организаций. Но официальная социология не обладает монополией на литературу, посвящённую истории науки: специфическая трудность, которую испытывает социология в научном осмыслении науки, отчасти связана с тем, что она находится в самом низу социальной иерархии наук. Возвышается ли она до того, что начинает относиться к более научным наукам лучше, чем

они сами о себе думают, опускается ли до регистрации победного образа, который научная агиография производит и распространяет — перед ней стоит всегда одна и та же трудность — осмыслить себя как науку, то есть осмыслить свою позицию в социальной иерархии наук.

Это совершенно очевидно вытекает из реакции, которую вызвала книга Томаса Куна «Структура научных революций», содержащая добротный экспериментальный материал для эмпирического анализа идеологий науки и их связи с позицией авторов в научном поле. Действительно, эта книга, в отношении которой так и остаётся неясным, описывает или предписывает она логику научного изменения (пример такого скрытого предписания: существование парадигмы является признаком научной зрелости), приглашала своих читателей искать в ней ответы на вопрос о хорошей или плохой науке [45]. Те, кого на языке сообщества называют «радикалами», находили в книге приглашение к «революции» против «парадигмы» [46] или оправдание либерального плюрализма world views [47], поскольку обе точки зрения безусловно соответствуют различным позициям в поле [48]. Те же, кто является держателями установленного порядка, вычитывали в книге приглашение к тому, чтобы изъять социологию на «до-парадигматической» стадии, навязав ей унифицированную форму верований, ценностей и методов, символизируемых знаменитой триадой Парсонса и Лазерфельда, примирившихся на Мертоне. Чрезмерная увлечённость количественными методами, формализацией и этической нейтральностью, презрение к «философии» и отказ от методических устремлений в пользу мелочной эмпирической верификации и убогой концептуализации, операционально называемой «теорией среднего уровня» — таковы черты, приобретённые, благодаря безнадёжно откровенному превращению «существующего» в «должное» и оправдываемые необходимостью участвовать в укреплении «ценностей сообщества», как условия «прорыва».

Ложная наука, предназначенная для производства и поддержания ложного сознания — официальная социология (венцом творения которой сегодня является политология) должна демонстрировать объективность и «этическую нейтральность» (то есть нейтральность в борьбе между классами, существование которых она, впрочем, отрицает) и создать полную видимость состоявшегося разрыва с доминирующим классом и его идеологическими требованиями, умножая внешние знаки научности. Таким образом, с «эмпирической» стороны имеет место парад технологий, а со стороны «теории» — риторика «нео» (также расцветающая в художественном поле), которая, копируя научное накопление, применяет к производству или к совокупности произведений прошлого (см. Парсонс Т. «Структура социального действия») типичную учёную процедуру «прочтения заново», эту парадигматическую школьную операцию просто воспроизводства или воспроизводства простого, вполне подходящую для того, чтобы производить в границах поля и верования, которое оно производит, все внешние признаки «революции».

Следовало бы всесторонне проанализировать эту риторику научности, с помощью которой доминирующее «сообщество» производит верование в научную ценность своих продуктов и в научный авторитет своих членов. Этому может служить, например, совокупность стратегий, придающих видимость эффекта накопления, таких как ссылки на Канонические источники, чаще всего сводимые, как говорится, «к их самому простому изложению» (таков посмертный удел «Самоубийства»), то есть к примитивным правилам, симулирующим холодную строгость научного дискурса, а также ссылки на по возможности самые свежие

статьи на одну и ту же тему (известна оппозиция между «тяжёлыми» науками — hard — и «мягкими» науками — soft), это могут быть также стратегии закрытия, которые должны установить границу между научной проблематикой и профанными и салонными дебатами (всегда имеющими место, но на правах «лошади в паровозе»), с помощью, чаще всего, простого обратного перевода с одного языка на другой; либо процветающие среди политологов стратегии непризнания, способные воплотить доминирующий идеал «объективности» в аполитичном дискурсе о политике, где отвергаемая политика может появиться лишь под неузнаваемым, а, следовательно, безупречным, видом её политологического непризнания [49]. Но эти стратегии выполняют, сверх того, основную функцию: круговая циркуляция объектов, идей, методов и особенно знаков признания внутри сообщества (следовало бы сказать клуба, открытого лишь членам местного сообщества или импортируемым из лиги Ivy) [50], производит, как всякий кружок по легитимации, универсум верования, эквивалент которого можно найти как в религиозном поле, так и в поле литературы или поле высокой моды [51].

Тем не менее не следует придавать ложной официальной науке то значение, которое ей придаёт «радикальная» критика. Несмотря на их разногласия относительно ценности, которую они сообщают «парадигме», этому принципу унификации, необходимому для развития науки — в одном случае, или произвольной репрессивной силе — в другом, либо, как у Куна, и тому, и другому, по очереди, консерваторы и «радикалы», противники-сообщники, сходятся на самом деле в главном: вследствие односторонней точки зрения, которую они непременно занимают по отношению к научному полю, выбирая, по меньшей мере несознательно, то или иное антагонистическое поле, они не могут видеть, что контроль или цензура осуществляется не той или иной инстанцией, но объективным отношением между противниками-заговорщиками, которые уже одним своим антагонизмом ограничивают поле легитимной дискуссии, исключая как нелепое или эклектичное, или просто немислимое всякую попытку занять непредусмотренную позицию (в частном случае, для того, например, чтобы поставить на службу другой научной аксиоматике технические средства, разработанные официальной наукой) [52].

«Радикальная» идеология, слегка завуалировано выражающая интересы доминирующих в научном поле, стремится трактовать всякую революцию против установленного научного порядка как научную таким образом, что достаточно исключить какую-нибудь «инновацию» из официальной науки, чтобы можно было счесть её научно революционной, избегая вопроса о социальных условиях, благодаря которым революция против установленного научного порядка является также научной революцией, а не простой ересью, имеющей целью изменение установившегося соотношения сил в поле, не затрагивая оснований, на которых зиждется его функционирование [53].

Что касается доминирующих, склонных считать, что тот научный порядок, в который вложены все их инвестиции (в духе экономики и психоанализа) и прибыли от которых они в состоянии присвоить, является реализовавшимся «должно быть», то они вполне логично ориентированы на спонтанную философию науки, которая находит своё выражение в позитивистской традиции, этой форме либерального оптимизма, согласно которой наука прогрессирует благодаря внутренней силе истинной идеи и что самые «сильные» являются по определению также и самыми «компетентными». Достаточно подумать о прежних

состояниях поля наук о природе или о современном этапе поля социальных наук, чтобы обнаружить идеологическую функцию социодидеи этой философии науки, которая, представляя идеал реализованным, снимает вопрос о социальных условиях его реализации.

Соглашаясь с тем, что сама социология науки функционирует в соответствии с законами функционирования любого научного поля, которые устанавливает научная социология науки, социология науки вовсе не обрекает себя на релятивизм. Действительно, научная социология науки (и научная социология, которую она также делает возможной) может сложиться только при условии ясного понимания того, что различным позициям в научном поле сопутствуют представления о науке, идеологические стратегии, заграммированные под эпистемологические точки зрения, с помощью которых занимающие определённую позицию стремятся оправдать свою собственную позицию и стратегии, которые они применяют для её поддержания или улучшения, а также одновременно дискредитировать сторонников противоположной позиции и их стратегии. Каждый социолог является хорошим социологом своих конкурентов, поскольку социология знания или науки является лишь наиболее безупречной формой стратегий дисквалификации противника и остаётся таковой до тех пор, пока она определяет в качестве объекта своих противников и их стратегии, а не систему стратегий в целом, то есть поле позиций, которое их порождает [54].

Трудность социологии науки состоит в том, что социолог имеет свои цели в игре, которую он берётся описывать (будь то, во-первых, научность социологии или, во-вторых, научность формы социологии, которую он применяет), а также в том, что он может объективировать эти цели и соответствующие стратегии лишь при условии, что в качестве объекта он берёт не только стратегии своих научных противников, но и игру как таковую, которая движет также и его собственными стратегиями, подспудно грозя взять верх над его социологией и его социологией социологии.

Примечания

1 См. Bourdieu P. Une interpretation de la sociologie religieuse de Max Weber. // Archives europeennes de sociologie. — 12.1. 1971. — p. 3-21.

2 Конфликт, о котором говорил Саполски, между сторонниками «фторизации» (речь идёт о кампании по обогащению фтором питьевой воды. — Прим. пер.), то есть между держателями официальной власти (health officials), которые считают себя единственно «компетентными» в области здравоохранения, и противниками, в рядах которых насчитывается много учёных, но которые, по мнению официальных лиц, выходят «за рамки своей компетенции», позволяет со всей ясностью увидеть социальную истину компетенции, как полномочного и авторитетного мнения, которое является ставкой в борьбе между группами (см. Sapolsky H. M. Science, Voters and the Fluoridation Controversy. // Science. — Vol. 162. — 25. October. 1968. — p. 427-433). Проблема компетенции нигде не проявляется с такой остротой и с такой очевидностью, как во взаимоотношениях с «профанами» (см. Barnes B. S. On the Reception of Scientific Beliefs. // Sociology of Science. / Ed. Barnes S. B. — London, Penguin, 1972. — p. 269-291; Boltanski L., Maldidier p. Carriere scientifique, morale scientifique et vulgarisation. // Information sur les sciences sociales. — [9]. 3.1970. — p. 99-118.

3 Reif F. The Competitive World of the Pure Scientist. // Science. — 15. December. 1961, 134. — p. 1957–1962.

4 Именно в этой логике следует понимать переносы капитала из одного определённого поля в другое — социально более низкое, в котором менее интенсивное соперничество даёт держателю определённого капитала шанс на получение более высокой выгоды.

5 Merton R. K. The Sociology of Science. — Chicago and London: The University of Chicago Press. 1973. — p. 55.

6 Среди бесчисленных выражений этого нейтралистского кредо особенно типичным представляется следующее: «Будучи профессионалами — университетскими преподавателями или практикующими учёными — социологи в основном считают себя способными отделить, осознавая свою социальную ответственность, личную идеологию от той профессиональной роли, которую они играют во взаимоотношениях с их клиентами, публикой, коллегами. Ясно, что это является наиболее полным результатом приложения концепта профессионализации к социологии, особенно в период студенческой активности, который начинается в 1965 году (Ben-David, 1972). С самого начала становления социологии как дисциплины многие социологи обладали очень активной личной идеологией, в соответствии с которой они стремились отдавать свои знания делу социальных преобразований, тогда как в качестве университетских профессоров они сталкивались с проблемой подчинения нормам, предписываемым преподавателю и исследователю» (Janowitz M. The American Journal of Sociology. — 78 [1]. July. 1972. — p. 105–135).

7 Hagstrom W. D. The Scientific Community. — New York: Basic Books. 1965. — p. 100.

8 Фред Риф писал, что те, кто, стремясь как можно скорее опубликовать свои работы, обращаются к ежедневной прессе (так, сообщения о важных открытиях в физике могли быть опубликованы в Нью-Йорк Таймс) вызывают осуждение коллег-конкурентов, настаивающих на разнице между публикацией и популярностью, определяющей также отношение к некоторым формам популяризации, которые всегда подозреваются в том, что они являются завуалированными формами само — популяризации автора. Достаточно процитировать издателя официального журнала американских физиков: «Проявляя уважение к своим коллегам, авторы, как правило, избегают разглашения содержания своих статей, прежде чем они будут опубликованы в научном журнале. Научные открытия — это не сенсация для газет, и все средства массовых коммуникаций должны иметь единовременный доступ к информации. Отныне мы не будем принимать статьи, содержание которых было уже опубликовано в газетной прессе» (F. Reif, loc. cit.).

9 В каждый момент времени существует социальная иерархия научных полей — дисциплин — которая в значительной степени ориентирует практики и, особенно, «выбор» по «призванию», а внутри каждой из дисциплин — социальная иерархия объектов и методов анализа (Об этом см. Bourdieu P. Methode scientifique et hierarchie sociale des objets. // Actes de la recherche en sciences sociales. — 1.1975. — p. 4–6.) (Столь многочисленные в данном тексте ссылки на самого себя имеют единственной целью избежать повторов уже сказанного).

10 Наподобие того, как социальная философия дюркгеймовского толка описывает социальный конфликт в терминах маргинализма, отклонения или аномалии, эта философия науки стремится свести отношения соперничества между доминирующими и доминируемыми к отношениям между «центром» и «периферией», пользуясь расхожей метафорой, столь дорогой Хальбваксу, о расстоянии до «средоточия» центральных ценностей (См., например: Ben-David J. *The Scientist's Role in Society*. — New York, Englewood Cliffs-Prentice Hall Inc., 1971; Shils E. *Center and Periphery*. // *The Logic of Personal Knowledge. Essays Presented to Michael Polanyi on His Seventieth Birthday*. — London, Routledge and Kegan Paul Ltd. 1961. — p. 117-130).

11 Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. — Chicago: The University of Chicago Press, 1962. — p. 168.

12 Вследствие того, что американские социологи полагают на американский манер, что «либеральная демократия» является условием «научной демократии», за проблемой экспертной оценки относительной ценности университетских систем неизбежно кроется вопрос об оптимальных условиях развития науки и — тем самым — о лучшей политической системе. (См., например, работу: Merton R. K. *Science and Technology*. — Vol. 1. — 1942, повторно опубликованную в книге: Merton R. K. *Social Theory and Social Structure*. — Free Press. 1976. — p. 550-551, под заголовком «Science and Democratic Social Structure»; Barber B. *Science and the Social Order*. — Glencoe: The Free Press. 1952. — p. 73, 83.

13 Именно так можно объяснить очень разные стратегии учёных, когда они обращаются к таким формам публикации как препринт или репринт. Легко можно показать, что все наблюдаемые различия, связанные с научной дисциплиной и возрастом исследователей или с институцией, к которой они принадлежат, могут быть поняты на основании очень разных функций, которые выполняют эти две формы научной коммуникации. Препринт обеспечивает очень быстрое распространение продукции, сокращая сроки, соблюдаемые при научной публикации (что является очень важным преимуществом в секторах с высокой конкурентностью) среди ограниченного числа читателей, которые также являются самыми компетентными конкурентами. Препринт в отличие от официальной публикации не обеспечивает полной защиты продукции от мошеннического присвоения, но благодаря тому, что продукция запущена в оборот, степень её защищённости всё же повышается. Репринт обеспечивает более широкое распространение среди коллег или заказчиков продуктов, обеспеченных и социально закреплённых за определённым именем собственным. (см. Hagstrom W. *Factors Related to the Use of Different Modes of Publishing Research in Four Scientific Fields*. // *Communication Among Scientists and Engineers*. / Eds. Nelson C. E.; Pollock D. K. — Lexington (Mass.): Heath Lemington Books-D. C. Heath and Co. 1970).

14 Отсюда трудности изучения интеллектуалов, учёных или артистов, которые возникают как в ходе самого исследования, так и при публикации его результатов: предлагать соблюдение принципа анонимности людям, которые в первую очередь озабочены «деланием» своего имени, означает исключить главную мотивацию их участия в исследовании (в отличие от свободных письменных ответов или интервью); в то же время не предложить анонимность означает лишить себя возможности задавать «нескромные» вопросы, то есть вопросы объективирующие и редуционистские. Публикация результатов

ставит аналогичные проблемы, поскольку анонимность позволяет сделать дискурс вразумительным и прозрачным в зависимости от степени информированности читателя (тем более, что в этом случае целый ряд позиций сводится к одному элементу — имени собственному).

15 Zuckerman H. A. Patterns of Name Ordering among Autors of Scientific Papers: A Study of Social Symbolism and its Ambiguity. // *American Journal of Sociology*. — 74 [3]. November. 1968. — p. 276-291.

16 Предлагаемая здесь модель в полной мере учитывает — не обращаясь ни к каким моральным обоснованиям — тот факт, что лауреаты уступают первое место чаще всего после получения премии и что их вклад в отмеченное премией исследование обеспечен более очевидным образом, чем то участие, которое они принимали в других коллективных исследованиях.

17 См., например: Hargens L. L., Hagstrom W. O. Sponsored and Contest Mobility of American Academic Scientists. // *Sociology of Education*. — 40 [1]. Winter. 1967. — p. 24-38.

18 См., например: Bourdieu P., Boltanski L., Maledier p. La defense du corps. // *Information sur les sciences sociales*. — 10 [1]. — p. 45-86.

19 Статистический анализ показывает, например, что для всей совокупности прошлых поколений в целом, возраст максимальной научной производительности составлял от 26 до 30 лет — у химиков, от 30 до 34 лет — у физиков и математиков, от 35 до 39 — у бактериологов, геологов и физиологов (Lehman H. C. *Age and Achievement*. — Princeton: PrincetonUniversity Press, 1953).

20 См. Reif F., Strauss A. The Impact of Rapid Discovery upon the Scientist's Career. // *Social Problems*. — Winter, 1965. — p. 297-311. Всестороннее сопоставление этой статьи, ради которой физик сотрудничал с социологом, со статьёй, которую писал физик несколькими годами раньше, могло бы дать исключительную информацию о том, как функционирует американская социологическая мысль. Достаточно сказать, что за «концептуализацию» (то есть перевод концепций сообщества на жаргон дисциплины) она расплачивается тем, что полностью исключается соотнесённость с полем в его совокупности, и в частности, с системой траекторий (или карьер), сообщающей каждой отдельной карьере её самые важные свойства.

21 См. Glaser B. G. Variations in the Importance of Recognition in Scientist's Careers. // *Social Problems*. — 10 [3]. Winter. 1963. — p. 268-276.

22 Чтобы избежать необходимости восстанавливать весь ход доказательств, ограничусь сноской на П. Бурдьё: Bourdieu P. Les categories de l'entendement professoral. // *Actes de la recherche en sciences sociales*. — 3.1975. — p. 68-93.

23 О том, как «фильтруют» редакционные комитеты научных журналов по социальным наукам) см. Crane D. The Gate-Keepers of Science: Some Factors Affecting the Selection of Articles for Scientific Journals. // *American Sociologist*. — II, 1967. — p. 195-201. Можно предположить,

что в отношении научной продукции, так же как и литературной, авторы выбирают — вольно или невольно — печатный орган в зависимости от того, как они себе представляют его «нормы». Всё заставляет думать, что само-исключение, хотя и, безусловно, менее заметное, во всяком случае столь же существенно, что и внешнее исключение не говоря уже о воздействии, которое оказывает навязывание норм для публикуемого материала).

24 В дальнейшем будет показана та оригинальная форма, которую принимает эта упорядоченная трансмиссия научного капитала в полях, где, как в современной физике, сохранение и разрыв практически не различимы.

25 Feuer L. S. The Social Roots of Einstein's Theory of Relativity. // *Annales of Science*. — Vol. 27. — 3. September. 1971. — p. 278-298; 4. December. 1971. — p. 313-314.

26 См. Saint-Martin de, M. Les fonctions sociales de l'enseignement scientifique. // coll. *Cahiers du Centre de sociologie europeenne*. — Paris: La Haye-Mouton. — 8.1971; Bourdieu P., Saint-Martin de, M. Le systeme des grandes ecoles et la reproduction de la classe dominante.

27 Таким механизмом, который обеспечивает контроль над отношениями с внешним универсумом, с мирянами, является «научная популяризация» как само-популяризация учёного (см. Boltanski L., Maldidier P., loc. cit.).

28 Нет сомнений в том, что философия истории науки, которую предлагает Кун, и согласно которой монополистическая концентрация (парадигма) чередуется с революцией, многим обязана частному случаю «коперниковской революции» в том виде, в каком он её рассматривает и которую он её считает «типичной для любого другого главного переворота в науке» (Kuhn T. *La revolution kopernicienne*. — Paris: Fayard, 1973. — p. 153, 162.): поскольку относительная автономия науки от власти и, в частности, от власти церкви ещё очень невелика, научная революция (в математической астрономии) проходит через политическую революцию и предполагает революцию всех научных дисциплин, которая может иметь политический эффект.

29 Так же как уже цитировавшиеся Башляр и Риф, Д. Блур заметил, что трансформации в социальной организации науки определили трансформацию природы научных революций. (см. Bloor D. *Essay Review: Two Paradigms for Scientific Knowledge?* // *Science Studies*. — 1971, 1. — p. 101-115).

30 Bachelard G. *Le Materialisme rationnel*. — Paris: PUF, 1953. — p. 41.

31 Основная цензура формируется на основе этой пошлины на вход, то есть на основе условий доступа в научное поле и в систему образования, которая обеспечивает этот доступ. Следовало бы задаться вопросом о свойствах, которыми науки о природе не говоря уже о науках о человеке, где по причине слабости методов самая большая свобода предоставляется габитусам) обязаны их социальному рекрутированию, то есть грубо говоря, условиям доступа к высшему образованию (см. Saint Martin de, M., op. cit.).

32 Известно, что сами инаугурационные революции, которые дают жизнь новому полю, формируя с помощью разрыва, новую область объективности, почти всегда возлагаются на

держателей большого научного капитала, которые в силу переменных второго порядка (таких как принадлежность к социальному классу или этносу, маловероятных для данного универсума) оказываются в положении неустойчивости, благоприятствующему революционным наклонностям: таков, например, случай входящих, которые привносят в поле капитал, накопленный в научном поле, более высоком в социальном отношении (см. Ben-David J. Roles and Innovation in Medicine. // *American Journal of Sociology*. — 65, 1960. — p. 557–568; Ben-Devid J., Collins R. Social factors in the Origins of a New Science: the Case of Psychology. // *American Sociological Review*. — 31.1966. — p. 451–465).

33 Выше уже приводилось данное Ф. Рифом описание формы, которую чаще всего принимает накопление капитала при таком состоянии поля.

34 Действительно, все сходятся на том, что научная борьба становится всё более интенсивной (несмотря на эффект специализации, который постоянно сокращает универсум конкурентов путём деления на всё более узко специализированные суб-поля) по мере того, как наука продвигается вперёд, то есть точнее, по мере того, как растут накопленные научные ресурсы, а капитал, необходимый для осуществления открытия, всё более широко и равномерно распределяется между конкурентами по причине повышения пошлины на вход в поле.

35 Совокупность процессов, которые сопровождают автономизацию научного поля, диалектически взаимосвязаны: так, постоянное повышение пошлины на вход, предполагающее накопление специфических ресурсов, способствует в свою очередь автономизации научного поля, устанавливая социальный разрыв с невежественным миром непосвящённых, который носит тем более радикальный характер, что к нему, как таковому, и не стремятся.

36 Габитус, произведённый начальным воспитанием, и дополнительный габитус, внушённый школьным образованием, при разном соотношении в случае социальных наук и наук о природе, вносят свой вклад в дорефлексивное приобщение к молчаливым допущениям, действующим в поле (о роли социализации см. Hagstrom W. D. — p. 9; Kuhn T. S. The Function of Dogma in Scientific Research. // *Scientific Change*. / Ed. Crombie A. C. — London, Heineman, 1963. — p. 367–369).

37 Можно представить, чем могла бы стать этнометодология (и оставалась бы она этнометодологией?), если бы она знала, что то, что она признает в качестве объекта — taken for granted de Schutz — есть дорефлексивное присоединение к установленному порядку.

38 В случае поля идеологического производства (частью которого являются также различные поля производства учёного или просвещённого дискурса) основание консенсуса в диссенсусе, который определяет доксу, заключается, как мы увидим, в подцензурном отношении поля производства в его совокупности к полю власти (то есть в скрытой функции поля борьбы классов).

39 Bachelard G. — p. 216–217.

40 Именно поэтому социальные системы классифицирования (таксономии), которые являются главной целью идеологической борьбы между классами (см. Bourdieu P., Boltanski L. *Le titre et le poste: rapports entre le systeme de production et le systeme de reproduction.* // *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1975. — p. 95-107), составляют также посредством выработки позиции о наличии или отсутствии социальных классов один из главных принципов деления социологического поля (Bourdieu P. *Classes et classement.* — Minuit. — 5.1973. — p. 22-24; Coxon A. P. A., Jones C. L. *Occupational Categorization and Images of Society.* // *Working Paper*, 4. — Project on Occupational Cognition. — Edinburgh: Edinburgh University Press. 1974.).

41 Отсюда вытекает, что социология науки (и в частности, отношение, которое социальная наука поддерживает с доминирующим классом) представляет собой не одну из ряда других специальностей, а составную часть условий научной социологии.

42 Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective.* — Cambridge: Harvard University Press, 1962. — p. 7.

43 Философия истории, которая неотвязно преследует эту социальную историю социальной науки, находит своё парадигматическое выражение в работе Тьерри Кларка, социологическую характеристику которой Поль Вол выразил двумя прилагательными: «Terry N. Clark's long-awaited, much circulated in manuscript Prophets and Patrons» (см. Clark T. *Prophets and Patrons, The French University and the Emergence of the Social Science.* — Cambridge: Harvard University Press, 1973; Chamboredon J. C. *Sociologie de la sociologie et interets sociaux des sociologues.* // *Actes de la recherche en sciences sociales.* — 2.1975. — p. 2-17).

44 Заслуга Джозефа Бен-Давида заключается в том, что он смог выразить этот тезис в самой простой форме: высокий уровень соревновательности, характерный для американского университета, объясняет его более высокую производительность и высокую степень гибкость (Ben-David J. *Scientific Productivity and Academic Organization in Nineteenth Century Medicine.* // *American Sociological Review.* — 25, 1960. — p. 828-843; *Fundamental Research and the Universities.* — Paris: OCDE, 1968; Ben-David J., Zloczower A. *Universities and Academic Systems in Modern Societies.* // *European Journal of Sociology.* — 3.1962. — p. 45-84).

45 Ещё более, чем в этой книге, основные тезисы которой не содержат ничего принципиально нового, во всяком случае, для читателей Башляра, ставшего объектом — приблизительно в то же самое время, но в другой традиции — схожего перехвата, нормативная интенция просматривается в двух статьях, где Т. Кун описывает функции, положительные для научного развития «конвергентного» мышления, и утверждает, что догматическое приобщение к традиции благоприятствует исследованию (Kuhn T. *The Function of Dogma in Scientific Research.* // *Scientific Change.* / Ed. A. C. Crombie. — p. 347-369; *The Essential Tension: Tradition and Innovation in Scientific Research.* // *The Ecology of Human Intelligence.* / Ed. L. Hudson A. C. — London, Penguin, 1970. — p. 342-359).

46 См., например: Gouldner A. W. *The Coming Crisis of Western Sociology.* New York — London: Basic Books, 1970; Friedrichs R. W. *A Sociology of Sociology.* — New York: Free Press. 1970.

47 Gellner E. *Myth, Ideology and Revolution*. // *Protest and Discontent*. / Eds. Crick B., Robson W. A. — London, Penguin. 1970. — p. 204–220.

48 Такой журнал как *Theory and Society* обязан своей сугубо социальной значимостью, позволяющей ему существовать и выживать, не имея иного положительного содержания, кроме некоего размытого антипозитивистского гуманизма, в котором признаются «критические социологи» (другая концепция сообщества) — тому факту, что он объединяет в исключительно негативном ключе все течения, которые находятся или мыслятся вне американского истеблишмента: от этнометодологии, наследницы феноменологии, через *psychohistory*, до нео-марксизма (см. сводную таблицу, достаточно верно отражающую это идеологическое построение в: Bandyapadhyav P. *One Sociology or Many: Some Issues in Radical Sociology*. // *Sociological Review*. — Vol. 19. February. 1971. — p. 5–30).

49 См. Bourdieu P. *Les doxosophes*. — Paris: Minuit. — 1.1973. — p. 26–45 (в частности, анализ эффекта Липсета).

50 Официальная социология науки предоставляет оправдание любой своей черты. Так, например, уклонение от фундаментальных теоретических проблем оправдывается идеей, что в науках о природе исследователи не озабочены философией науки. (см. Hagstrom W. O., p. 277–279). Без труда можно увидеть, какую цену платит такая социология науки за необходимость легитимировать фактическое состояние и превращать испытываемые ограничения в избирательные исключения.

51 О производстве верования или фетишизма в поле высокой моды см. Bourdieu P., Delsaut Y. *Le couturier et sa griffe: contribution une theorie de la magie*. // *Actes de la recherche en sciences sociales*. — 1. Janvier. 1975. — p. 7–36.

52 Такие эпистемологические пары, которые одновременно являются и социологическими парами, функционируют в любом поле (см., например, *Positivismusstreit*, противопоставляющий Хабермаса и Поппера в Германии — как механизм перенесения, который, будучи апробирован в Европе, был запущен в США с переездом туда Франкфуртской школы).

53 Следовало бы изучить все стратегические применения, которые доминируемые в поле могут получить из идеологического изменения их объективной позиции: например, парад исключения, который позволяет исключённым извлекать пользу из институции (которую они в достаточной мере признают для того, чтобы упрекать её в том, что она их не признает), превращая исключение в гарантию научности; либо контестация «компетенции» доминирующих, которая стоит в центре всякого еретического движения (см. контестация монополии на посвящение) и которая тем меньше может быть вооружена научными аргументами, чем меньше объём накопленного научного капитала, и тому подобное.

54 О необходимости конструирования интеллектуального поля таким образом, чтобы сделать возможной социологию интеллектуалов, которая была бы не только обменом обвинениями и проклятиями между «правыми» и «левыми интеллектуалами», см. Bourdieu P. *Les fractions de la classe dominante et les modes d'appropriation de l'oeuvre d'art*. // *Information sur les sciences sociales*. — 13 [3]. 1974. — p. 7–32.

Версия #2

Зверобой создал 18 января 2026 03:00:12

Зверобой обновил 18 января 2026 04:04:13